„РУССКИЙ ВЕСТНИК“
RUSSIAN DAILY HERALD
„РАССВЕТ“
THE DAWN—RASSVIET

A Russian Daily Newspaper, Published every day, except Sunday, by the Directoriate of Russian Trades Union of the United States of America and Canada.

SUBSCRIPTION RATES:	ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
U. S. & Canada.	В С. Ш. и Канаде.
1 year $7.00	На 1 год 7.00
6 months.... 3.75	На 6 мес.....: 3.75
3 months.... 2.00	На 3 мес..... 2.00
1 month..... .75	На 1 мес..... .75
1 copy ..... .03	1 экземпляр.. .03
Chicago & Europe	В Чикаго и загран.
1 year $10.00	На 1 год....$10.00
6 months... 5.00	На 6 мес. .. 5.00
3 months... 2.75	На 3 мес. .. 2.75
1 month.... 1.00	На 1 мес. .. 1.00
Address all communications to	Все корреспонденции адресуйте:

Russian Daily Herald-Rassviet
1722 W. Chicago Ave.
Chicago, Ill.

ПОДОГРЕВАНИЕ ВОИНСТВЕННОСТИ.

„Декорэйшен Дэй“, или „День поминовения“ павших на войне воинов сопровождался обычными в этом случае военными парадами, уличными шествиями, молитвами, слезами матерей, речами, банкетами и неизбежным пьянством.

„Декорейшен Дэй“ — казалось бы прекрасный случай для того, чтобы действительно вспомнить в этот день о миллионах загубленных молодых жизней, погибших в цвете лет преждевременной, насильственной, жестокой смертью, вдали от своего домашнего очага, от своих родных и близких.

Но когда посмотришь на помпезные военные парады и уличные шествия, на веселую, гогочущую, рукоплещущую толпу любопытных зрителей, жаждущих зрелищ и сильных ощущений, то невольно зарождается сильное сомнение в том — в самом ли деле все эти уличные представления, речи и банкеты имеют что-либо общее с поминовением памяти павших на войне воинов. О последних, кажется, всего меньше думают и вспоминают в „День поминовения“.

Как это ни странно, но этот день служит совершенно противоположным целям, не отвечающим его назначению. Уличные шествия и парады не расчитаны на то, чтобы вызвать сожаление и сокрушение о безвременно погибших, а тем более заставить легкомысленную толпу задуматься над безумием и страшными последствиями, вызываемыми братоубийственными войнами.

Стоит только посмотреть на загипнотизированную толпу, шествующую под звуки музыки и барабана, чтобы понять, что эти люди далеки от покоянного настроения, что в душе их не раскаяние за содеянные человечеством в прошлом преступления, а готовность на новый грех и пролитие человеческой крови.

Со всем таким воинственным настроением, преобладавшим в „День поминовения“, как-то не гармонируют „мирные“ заявления президента Кулиджа.

Все эти шествия и размахивания мечом устраиваются не без содействия и поощерния главы американского правительства. Сам он в своей речи на Арлингтонском кладбище говорит о невозможности пренебрежения без риска для страны делом национальной безопасности и обороны, и уверяет своих соотечественников, что „наша страна никогда еще не имела столь хорошо вооруженной армии или более боеспособного флота, чем она имеет в настоящее время“.

Уменьшение вооружения могло-бы, по мнению президента Кулиджа, „угрожать домашней безопасности и подорвать наш престиж и положение среди других народов“.

Но все это нисколько не мешает президенту Кулиджу указывать пальцем на Европу и утверждать, что в ней „ощущается большая потребность дальнейшего ограничения вооружения“ и что в этом направлении Америка готова оказать ей всяческое содействие. Весь только вопрос в том — последует ли Европа благим советам г. Кулиджа. Пока что все еще не заметна склонность ее к разоружению, а результаты Женевской подготовительной конференции говорят как раз об обратном.

Самым замечательным местом во всей речи президента Кулиджа надо признать его следующее, довольно верное, заявление:

„Вопреки всем договорам, которые мы можем заключить и всем трибуналам, которые мы можем создать, без общественного мнения в пользу мира, мы не можем избежать ужасов войны“.

И затем:

„Мирный народ не станет воевать, но воинственный народ не может избежать войны“.

С подобным мнением нельзя, разумеется, не согласиться. Но тогда — какие же условия и обстоятельства делают известные народы воинственными? И не благоприятствуют ли поддержанию в американском народе духа воинственности и джингоизма патриотические манифестации и шествия, подобно имевшим место в „День поминовения“ погибших воинов?

Президент Кулидж произнес речь.

Вашингтон. — В „Декорейшен Дэй“ президент Кулидж произнес на Арлингтонском кладбище пацифического характера речь.

Он осуждал расовую ненависть и нетерпимость и особенно подчеркивал настоятельную необходимость ограничения вооружения в Европе.

ЕВРОПА И АМЕРИКА.

С [redacted] африканским достоинством сдался вождь риффов, Абд-эль-Крим. Он со своими соплеменниками пять лет боролся за свою родину и алкал ее возрождения и сдался. Сам на белом коне в'ехал в стан врага и отдал себя в его вооруженные руки.

Абд-эль-Крим с чисто магометанским фатализмом покорился судьбе и воле Аллаха. Теперь французы и испанцы диктуют ему свою генеральскую волю и заставляют пленника подписывать. Так еще так недавно было в Версале, где союзники глумились над сраженными немцами.

Европа снова сразила Африку и заставит ее тяжело работать на воинственных победителей. Марокко останется в полной кабале и пролитая риффами кровь за возрождение народа не принесла искупительной жертвы.

Европа, как акробат, все еще ходит на заостренных пожах и над зияющей пропастью. И меч разрубит ее и обескровит.

Европа обладает кипучею кровью и так часто дерется. Беспрестанные войны внутри. Войны за пределами Европы. Нет ни одного спокойного года, когда Европа не проливала-бы чью-нибудь кровь: свою или чужую.

Америка имеет холодную кровь, текущую долларами. Если Европа - воитель, то Америка - грабитель. Оба — мировые спекулянты на крови и на деньгах.

Деньги Америки — все: жизнь, преуспеяние и власть над миром.

Деньги Европы чрезвычайно игривы и малоценные. Все ее франки, фунты, рубли, марки, лиры, пезы то поднимутся, а то еще глубже падут вниз и обесценятся. Деньги Европы валятся в ненасытную утробу бога крови и войны, на постоянные жонглерства всех стран Европы.

Не успела успокоиться Англия, как заволновались Германия и Польша. Франция раздирает ризы азиатских народов. Италия грозит Турции. Россия готова воевать со своими соседями. Болгария боится Сербии. Поляки разложили костер в Галиции и, по всей вероятности, сами сгорят на нем. Не спокойно в Литве.

Европа гибнет в своей глупости и тонет в собственной крови. Война не научила ее. И, 21 миллион человек, принесенных на алтарь крови и финансовых облигаций, не остановил военных лордов Европы. Пилсудские, Муссолини, Жоффры и генералы продолжают трепать мятущуюся Европу.

Нет мира. Нет и развития и пол'ема народной энергии. Европа утопает в нищете и в смутьянстве.

Не напрасно Америка не вмешивается в европейские дела. Борится за свои доллары, которые частью уже потонули в европейской крови. Европа тянет и заманивает Америку в растущую смуту, но страна янки требует свои доллары обратно.

— Долларовые грабители, — прозвала Европа Америку.

Америка знает, что доллар ценнее всяких европейских солдатских тренировайий и раздирающей ненависти.

Европа раздирается революциями и контр-революциями. Там слишком много всяких „свобод“: свободы строить подводные лодки, военные аэропланы и казармы. „Свободы“ взрывать, ненавидеть и расстреливать. „Свободы“ больше визма, фашизма и монархизма. Все народы Европы, как в тине, утопают в правительственных злодеяниях. Одно правительство злее и хищнее другого. И все они царствуют исключительно на штыках и солдатах.

Европа обнищала и занимается сплошным попрошайничеством и молит о займах. А мировой банкир — Америка не дает, ибо не верит в кредитоспособность воинственных лордов. Европа не платит старых долгов, а ищет новых.

Америка требует старые долги и не дает новых. Долларовые хищники ищут долларов.

Во время войны в Европе было расстреляно почти 11 миллиардов долларов, выкаченных из Америки. Долларовые хищники согласны потерять четыре миллиарда долларов, сгоревших от пушечных выстрелов. Но Америка хочет получить от Европы свыше шести миллиардов долларов, взятых Европой и не отданных.

Америка готова на всякие уступки, лишь-бы получить свои деньги.

А Европа не отдает и даже в рассрочку на шестьдеся лет и без процентов.

Европа, как и Америка, воевали за „демократию“ и клали своих людей миллионами. Европа бросала людей, а Америка—доллары. В итоге—квита. Победители Европы нажились за счет новых колоний, отнятых у сраженной Германии. Америка нажилась долларами и заказами. Она воевала чужими руками, аммуницией и нефтью. И награбила достаточно, что-бы пополнить свои банки золотом. Сраженные люди не восстанут, а золото в банках Америки.

Демократии-же нет ни в Европе и ни в Америке. Она была проглочена военными и денежными лордами. Не будет и конца войнам, о котором мечтал фантазер Вильсон. Впереди тянутся войны и войны. И нет спасенья от них. Если Европа не воюет с пулеметной быстротой, то только в силу своего безденежья. Если-бы у Европы имелось золото, она завела-бы новые армии и аммуниционные заводы. Счастье народов Европы в том, что они бедны и не могут снабжать свои правительства финансами.

Америка заразила Европу своей алчностью к деньгам. Европа привила к Америке эпидемию военщины и политического акробатства. Оба материка танцуют один и тот-же зловещий танец цивилизованной смерти.

Ибо война испепеляет народы земли.

ИВАН ОКУНЦОВ.

АНЕТТА.

(Стихотворение с одной рифмой).

Жила была себе Анетта, —
В шелка и бархат раз'одета,
Средь дев различных полусвета,
Всем выделялася Анетта.
У ней в [redacted]дке то и это
И про [redacted] два три поэта,
Сложили тридцать три сонета
И в каждом было три куплета.
И увлекла красой Анетта,
Увы, меня, Анахорета.
Что у меня была монета,
Узнала это дева где-то.
Увлекся я, забыв про лета,
Купил ей серги, два браслета,
Твердил ей нежно: „ты конфета!“
И целовал ей то и это.
Смеялись громко люди света,
Но мне плевать! Со мной Анетта
Любовью искренной согрета,
Так что-же мне смотреть на это?
Но повстречала раз корнета
Моя красавица Анетта,
Красавца, юношу, брюнета,
Аристократа, баронета,
И от подобного сюжета
Взбесилась в тот-же миг Анетта.
„Убью тебя из пистолета!“
Воскликнул я, не взвидя света.
В ответ на то мне в лоб котлета,
За сим тарелка винигрета
Взорвалась словом, как ракета.
Что день, у нас скандал все лето.
И как-то ночью, до рассвета,
В об'ятьях юного корнета,
Была мной поймана Анетта,
Она была почти раздета.
Я завопил: „О! что-же это?“
И побежал от „тет а тета“
Что-б в пропасть спрыгнуть с парапета,
Но встретил друга Карапета.
„Болван!“ Сказал он. „В эти лета,
Не строй ты из себя кадета!“
Довел меня до кабарета
И в рот мне влил ведро Моэт'а.
Очнулся я средь кабинета
И не один, со мной Лизетта,
Солистка из кабарэ де-балета,
Худая, как тарань иль кетта.
Опять в расход пошла монета
Опять колечко, два эгретта,
Цветы в день каждого балета,
Два гимназиста, два корнета,
Такая-ж птичка, как Анетта.
И я ругаю Карапета,
Что я не спрыгнул с парапета.

БИГ-БОЙ.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН.

РАЗГОВОР О ПОЛЮСЕ.

У энтузиаста были вьющиеся седые волосы, блестящие юношеские глаза и тонский, пронзительный фальцет.

От восторга появилась и одышка.

Фальцет и одышка, вместе, — это покоряло.

Он не говорил, а захлебывался.

— Неслыханно, неслыханно, неслыханно... Совершенно неслыханно!.. .

Семь часов алле, семь часов ретур и, в результате, брак с Жозефиной!..

Нет, вы только вообразите: полярная ночь!.. Светло, как днем!.. И все спят!...

Господин Амундсен спит.

Господин Уилкинс спит.

Собаки г-на Уилкинса спят.

Господин Форд спит.

Дочка господина Форда спит.

И, только, младший лейтенант Бирд не спит!..

Сто шестьдесят километров в час. Семь часов. Таблица умножения. Вечность внизу. Вечнчость на верху. Туман по средине. Льды кругом.

И, вдруг!. .

Компас, термометр, барометр, часы, сердце, — все останавливается.

Полюс!!!

Последняя точка земного шара!..

Лейтенант хватает американский флаг и нацеливается.

Угол падения. Угол отражения. Закон действия. Закон противодействия. Закон притяжения. Бином Ньютона. Флаг вонзается в ось!..

И — земля вращается вокруг американского флага!!!

Рука Жозефины, состояние Форда, мировая слава и чин капитана, — слезы радости брызнули и немедленно замерзли на голубых глазах младшего лейтенанта Бирда...

Да, господа! Недалеко то время, когда человечество, как сыр в масле, будет кататься от северного полюса до южного, и обратно!..

И я говорю: да здравствует челове....

Энтузиаст поперхнулся, или подавился, но замолчал.

Слово принадлежало скептику.

Скептик был лысый, тщетно выбритый, и без всякого фаса.

Один профиль и пэнснэ.

Говорил он медленным, приятным баритоном.

— Прежде всего, где доказательства, что, так называемый, северный полюс, действительно существует?!

Ведь, если сама ваша знаменитая земная ось является только воображаемой, то и крайняя точка этой оси есть не более, чем воображение.

И почему это я должен поверить честному слову неизвестного молодого человека, и, при том, еще жениха, который утверждает, что он не только достиг полюса, но и воткнул в него американский флаг?!

Ссылка на механика для меня так же не убедительна, как ссылка на собственную белмэр.

Единственно, во что я готов поверить, так это в то, что была ночь; на севере — северная, а на юге — южная; что эксцентричному молодому человеку не спалось; поглядел он на небо, на фотографию Жозефины, выпил грогу, осмотрел свой мотор в двести лошадиных сил, и вылетел в неизвестном направлении.

Пятнадцать часов на свежем морозном воздухе должны были отлично подействовать на первы.

Вернувшись в отель, он послал обыкновенное американское радио:

„Олл райт. Кисс май дарлинг. Амундсен слинлинг. Гуд бай. Бирд“.

При чем же тут человечество, бином Ньютона и речи президента Кулидка? Не по-ни-маю.

И скептик так пожал своими остроконечными плечами, что у присутствующих мурашки забегали по спине.

— А, по моему, — сказал хозяин дома, не скептик и не энтузиаст, а, просто, биржевой игрок, — все это чистейшей воды авантюра!.. Зачем мне ехать на северный полюс, когда я могу себе преспокойно замерзнуть в Париже, на собственной квартире, с этим воображаемым центральным отоплением?!.

И большинство было на его стороне .

ДОН-АМИНАДО.

Обанкротилась Форидская земельная компания.

Джанксонвиль, Фла. — Здесь обанкротилась одна из самых крупных земельных компаний, устраивавшая колонию для богатых резидентов. Всего участники этой компании потеряли до 6-ти миллионов долларов.

ОДНО В ТРЕХ.

„Митина любовь“ повесть И. Бунина).

Ив. Ал. Бунин „почетный академик“, принадлежит к наиболее „аристократическим“ по духу русским писателям.

У него есть стихотворение „Сонет“, где автор, поднявшись на вершины гор, клинком кинжала высекает на льдине строки стихов...

„Лишь для того, кто бродит на вершине“...

Великолепный переводчик, прославленный стилист, И. А. Бунин сверкает своим холодно эпическим изображением жизни.

И даже когда он в своем „Суходоле“ и в своей „Деревне“ мрачнее, кажется, чем кто либо, рисует нам сумрак крестьянской жизни, почти (в его изображении) дикий быт, он остается спокоен и ровен и эпичен, и форма его произведений отделана, как всегда, до совершенства. В этом отношении Бунин сильно отличается от двух своих живущих современников, Горького и Куприна, вместе с которыми он представляет крупнейшее явление современной русской литературы, сложившейся в недавнем прошлом.

У Горького всюду, вплоть до последнего романа „Дело Артамоновых“, — темперамент борца, искателя социальной правды и большой нарост впечатлений от пролетарской и мещанской жизни. У Куприна — водопад сверкающих искр, широкий и кипучий, как его всеоб'емлющая „российская“ душа. У Бунина — спокойный, прозрачный, ясный рисунок - анализ, перевитый картинами русской природы. Последнее (из нашумевших) произведение этого писателя — „Митина любовь“, создало вокруг себя вихрь споров и разговоров.

Об нем мы и хотим поговорить сегодня.

На этот раз автор „Господина из Сан-Франциско“ (рассказа, взволновавшего американцев своим спокойно - беспощадным разоблачением „бездушия“ американской цивилизации) прослеживает перед нами историю „любовных томлений и горений“ интеллигентного юноши, барчука-студента Мити, достаточно духовно одаренного, чтобы чувствовать красоту, но недостаточно мощного духом, чтобы бороться в себе с теми стихийными силами „плоти“, которые, то принимают формы этой красоты, то, в конце концов, глумятся над ней, пожирают ее и убивают, все-же более одухотворенного, Митю.

Перед нами в захватывающей, бьющей по нервам форме рассказа о любовных томлениях, вправленных в рамку то городской, то деревенско - помещичьей жизни, проходит как бы художественная иллюстрация к знаменитой теории австрийского психолога Фрейда.

Теория эта ставит „пол“, половое начало, не только в основу всякой личной жизни, но и в основу социальной, психологии масс, а что особенно интересно, — в основу не только художественного творчества, но и религиозных верований.

И вот мы видим, как „секс“, пол, пробужденный в Мите его „первой Любовью“, ученицей драматических курсов, утонченной, женственно обаятельной, вскоре извращенной, Катей, как этот „секс“ переливается в крови Мити, выявляясь в его жизни самыми различными видами. Все связано единой цепью „подсознательного“, томлений страсти.

Впечатления от красот природы, запаха сирени, пенья соловья, ночных шумов в темном парке и строф изящнейших стихов:

Люди спят, мой друг, пойдем
в тенистый сад
Люди спят, одни лишь звезды
к нам глядят
. . . . . .

Скованы, скованы, повторяю, единой цепью не только с „дурманящими“ поцелуями утонченной Кати, но и с примитивными „безвкусными“, но необходимыми телу ласками бабы Аленки...

Эта Аленка, легко уступив барину за рубли, сразу же после первой „любовной“ сцены, совершенно прозаически спрашивает, поднявшись с земли...

„Вы говорят в Суботино ездили. Там поп дешево поросят продает. Правда?“

А между тем и она и идеализируемая и долго „поэтически“ любимая Митей Катенька, изменяющая ему ради карьеры с директором курсов, связаны, связаны единой цепью.

Три любви перед нами...

Сугубо „городская“, воспитанная на тончайших волнениях театра, несколько извращенная, но одурманивающая мозг, любовь Катеньки. Любовь, граничащая с искусством театра, которому так „предана“ Катенька, вся гибкая, в ароматных лайковых перчатках. Сугубо „деревенская“, грубоватая, без тонкостей и изощрений, любовь здоровой и практической Аленки. И любовь третья, Мити, одинаково чуждая двум первым стихиям, отравленная острым вином Катенькиных ласк, но как бы стремящаяся подняться выше, чувственное и мимолетное перековать в полу-чувственное, в овсянное красотой и поэзией, и в „вечное“, неизменное.

„Митина“ любовь...

Но неумолимая „правда жизни“ сильнее этой тяги и после долгих томлений о Кате, оставшейся в Москве, переставшей писать, всюду и во всем видя ее образ, чувствуя ее присутствие, „отравленный“ Митя, после упорного сопротивления своему второму „я“, полу, побежден...

Хоть на мгновенье, но грубое полотно Аленкиной рубахи зажигают его тем же огнем, что и тончайшие кружева Кати.

И только освободившись от „отравы“ после свидания в шалаше с крестьянской „соломенной вдовой“, Митя как бы „осознает“ всю власть плоти и прозы жизни, все бессилие „поэзии“ перед стихией. Мите — не переделаться, не „приспособиться“ (Бунин нарочно делает его „средним“ человеком), он весь целый, весь тут, — и один выход остается, раз нет „Митиной“ любви, поэтической, вечной, а есть различные, проходящие мгновения и виды единой — власти плоти, — покончить самоубийством. Митя так и поступает. Конечно, проблема „любви“ не разрешается Буниным.

Возможны еще иные ее формы, когда сознание и воля берут вожжи в руки и, не устраняя неустранимого, плоть, ставят такую на свое место.

Но Бунин и не задавался м. б. иной задачей, чем обнажить, до боли мучительно, перед нами все это „переливание огня в крови“, всю эту борьбу „поэтического“ со „зверным“ и всю их тесную связь... и слабость „идеала“ в лице „среднего“ человека, пусть студента, пусть „честного“, пусть читающего стихи.

В этом отношении „Митина любовь“ несомненно крупное произведение.

Интересно оно и в другом отношении, не только по выпуклому изображению „дьявольского наваждения“ земной любви.

Прекрасны типы крестьянских девушек предреволюционной деревни, пронзительно распевающие:

„Сапоги мои худые
Носки лаковые,
Что у девок, что у баб —
Одинаковые!

Хорош образ „старосты“, сводящего барина с Аленкой, очаровательны блики весенней природы..

„Митина любовь“ порою кажется написанной задолго до наших бурно-неясных дней.

ЧИК. ЗЛАТОГОРОВ.